

поставлено в конец стиха, что придает самому вопросу особую настойчивость, остроту. Но ответа не может быть, и следуют слова, выражающие трагическую безысходность героя. Вся строфа как бы перебивает привычный ритм: перенос, появляется пятистопишие на смену предшествующим катренам. Эта строфа выделена в стихах всеми возможными средствами лирической композиции.

Последние две строфы возвращают нас к началу стихотворения, прощанию с морем. Переход резкий, но естественный и необходимый: вставная историческая элегия композиционно закончена, и нужен новый поворот, итог всему лирическому размышлению.

До сих пор только один раз, в стихе «Он был, о море, твой певец», море названо «своим» именем (в других случаях: «свободная стихия», «моей души предел желанный», «океан»). В последних двух строфах обращение к морю уже без какой-либо условности или подчеркнутой торжественности: «Прощай же, море...». Перенос в первом стихе интонационно подчеркивает слово «не забуду». Вообще в двух последних строфах все средства поэтики «приближают» море, очеловечивают, речь идет уже не о своенравной, недосыгаемой стихии, на первом плане «торжественная краса» моря, голос моря.

В последней, заключительной строфе словам «пустыни молчаливы» соответствует: «Твой скалы, твои заливы, / И блеск, и тень, и говор волн». «Пустыни», таким образом, заполняются, в *молчаливые* пустыни переносится *говор волн*. Это обещание не забыть, перенести все связанное с морем «в леса, в пустыни молчаливы», тем более значительно, что «мир опустел» и что в самом море — пустыня («...Один предмет в твоей *пустыне*...»).

В последних строфах и мысль, и форма ее выражения определены прежде всего личными, даже биографическими мотивами. Но все же такая концовка частично снимает трагическую безысходность вывода: «Мир опустел...». Концовка определяет возможность перехода от экзотической поэзии юга к «молчаливым пустыням» Михайловского, к новой лирике.

«К морю» — прощание с романтизмом, с романтическими представлениями о свободе, принесшими столько разочарований. Однако прощание не означало абсолютного отказа от прошлого, не означало разрыва. Отсюда эти обещания помнить, не забыть «говор волн», того, что в прошлом дорого, вечно.

Стихотворение «К морю» очевидно, зримо соединило в себе и элементы южной романтической лирики Пушкина, и поиски новых решений, новых возможностей. Так, в осмыслении судьбы Наполеона уже есть возможность видеть, воспринимать его без романтической идеализации. Несостоявшийся «поэтический побег», то, что поэт предпочел, вынужден был предпочесть «скучный, неподвижный брег» своенравной стихии, сделал выбор в пользу земной «могучей страсти», открывает возможность для нового восприятия своенравной стихии, прекрасной, но слепой и равнодушной, а главное, противопоставленной земле. Поэтому стихотворение «К морю» в значительной степени и переходное произведение, так же как переходна художественная система последней южной поэмы — «Цыганы».

По-новому освещены здесь традиционные романтические мотивы, и это заметно осложнило композицию стихотворения. По-новому осознана личная судьба лирического героя: она сопоставляется и с романтически свободной стихией моря, и с конкретными особенностями своего времени, современной истории, с судьбой своего поколения («властитель *наших* дум»).

Рядом с элегией «Погасло дневное светило» стихотворение «К морю» — произведение более глубокое и сложное, равное по глубине и сложности мысли небольшой лирической поэме.